

ГРАЖДАНСТВО: НЕПРОСТОЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ АНТРОПОЛОГА

Катрин Невё

Антропологических исследований (как эмпирического, так и концептуального характера), затрагивающих проблему гражданства, в современной англо-саксонской литературе можно найти немало. Эта тема начинает все больше разрабатываться и в литературе франкоязычной. Однако в самой Франции подобные антропологические исследования практически не ведутся. В данной статье мы собираемся проанализировать некоторые причины наличия подобных "белых пятен" во французской антропологии, а также наметить возможные выходы из сложившейся ситуации. Прежде всего мы остановимся на обязательном (при анализе научной деятельности) изучении того контекста, в котором работают антропологи; затем мы затронем две важные темы: во-первых, мы обратимся к тому, что называется "национальным вопросом" или тому, что Р. Розальдо называет "культурным гражданством" ("cultural citizenship"); во-вторых, мы рассмотрим проблему территориализации и "уровней" гражданства.

Констатация того факта, что работы французских антропологов, объектом которых является гражданство, представляют собой редкость, подводит нас к необходимости обратить внимание на некоторые особенности французских антропологических исследований¹,

---

¹ Имеется в виду континентальная часть Франции, так как работы на подобные темы ведутся на "заморских территориях"; см. в частности, работы Б. Валдиса о проблеме гражданства на о. Реюньон, а также работы Мари Салаюн и Жака Вернадона о Новой Каледонии. Стоит также задаться вопросом о причинах, по которым постколониальный характер французско-

и в частности на то, где располагается антропологическое "поле", а также на главенствующие способы концептуализации гражданства в социальных науках и в политической сфере. Что касается первого вопроса, точкой отчета в нашей работе может послужить анализ того впечатляющего молчания, которым обошли антропологи беспорядки, возникшие на окраинах французских городов в ноябре 2005 года. Дидье Фассен приводит тому две основные причины: во-первых, он упоминает "доминирующую эпистемологическую позицию" французских антропологов, согласно которой антропология рассматривается как наука, изучающая отстраненные [удаленные] общества; во-вторых, ученый говорит об ""идеологическом крене" в пользу идей универсализма, светскости и "республиканской модели интеграции", мешающем французским антропологам признать существование дискриминации и прочих практик исключения внутри их собственного общества" (Фассен, 2006 (2)). В этой статье я не буду подробно останавливаться на первом факторе, подчеркну лишь далеко идущие последствия подобного подхода для развития антропологии, на которые обращал внимание Жерар Альтаб еще в начале девяностых годов (Althabe, 1992). Так, помимо упоминания о размежевании, в том числе институциональном, между антропологией, изучающей "отдаленные" общества, и этнологическими исследованиями Франции (сводящимися, в основном, к изучению аграрного прошлого страны и комплекса так называемых "традиционных" практик), Жерар Альтаб подчеркивал, что *"второстепенный статус антропологии Франции еще более утвердился, начиная с шестидесятых годов XX века, в результате главенства эпистемологической позиции [...], согласно которой производство антропологического знания основано на удаленности и отчужденности антрополога по отношению к изучаемому им социальному миру"* (Vazin и др., 2006).

Таким образом выходит, что сложившаяся ситуация изначально становится тормозом в разработке антропологических подходов к проблеме гражданства, объекта, рассматриваемого как присущего слишком знакомому, близкому обществу, слишком "западному" и нормативному. Ибо, не говоря об истории развития французской антропологии, которая в некотором смысле отодвинула на периферию

го общества на данных территориях стимулирует исследования режимов гражданства, которые не рассматриваются в "метрополии".

антропологическое изучение близкого объекта², над французскими антропологами, по всей видимости, довлеет определенный “идеологический крен”.

Контекст имеет немаловажное значение, в том числе и для ученых

Мне представляется важным попытаться понять (не впадая в преувеличенный субъективизм), в силу каких процессов исследователи выбирают тему гражданства в качестве объекта изучения. Действительно, подобный рефлексивный подход, похоже, является необходимым условием для понимания того, каким образом тема гражданства возникает, обсуждается и используется, с эпистемологической и концептуальной точек зрения. Кроме того, такой подход позволяет (не сам по себе, но в значительной мере) лучше понять взятые на вооружение парадигмы и их эвристическую продуктивность. И если мой нынешний научный подход строится на “включенной объективации”, “объективации субъективного отношения исследователя к объекту изучения” (Ghasarian, 2002), то еще до того, как тема гражданства стала для меня объектом изучения, она была связана с определенной политической позицией. В начале восьмидесятых годов, продолжая начатую несколькими годами до того активистскую деятельность, я примкнула к движению “Марш за равноправие”³, инициаторы которого, выступая против расизма и за всеобщее равенство, предлагали задуматься над “новым пониманием гражданства” (IM'média, 1993). Именно подобное понимание гражданства интересовало меня в то время (как, впрочем, продолжает интересоваться и сейчас): гражданство, понимаемое как процесс, общественная, коллективная деятельность, гражданство, вызывающее полемику, гражданство, которое принимают и от которого в то же время дистанцируются. “Новое понимание гражданства” заставило взглянуть на доминировавшие в то время во Франции общественные представления сквозь призму социальных и политических процессов, только что поколебавших их былые незыблемость и определенность. В силу

---

² Или же, точнее, некоторых объектов, составляющих близкий объект.

³ Антирасистская манифестация, начавшаяся 15 октября 1983 года в Марселе и “дошедшая” 3 декабря до Парижа, была призвана привлечь общественное мнение и политические силы к проблемам расизма и неравенства, испытываемым магрибинской общиной. (прим. переводчика)

своего специфического положения во французском обществе участники этого движения оказались более прозорливыми в том, что касается ограниченности понимания гражданства как юридического статуса, имеющего отношение исключительно к государству и к сфере избирательных прав, и неразрывно связанного с национальностью⁴. Решение написать кандидатскую диссертацию на тему гражданства в Великобритании (Neuveu, 1993) объяснялось моим желанием “дистанцироваться” от определенного набора французских, республиканского толка представлений, согласно которым “британская (коммунитаристская) модель интеграции” выступала в качестве негативного антипода “универсалистской республиканской модели”. В то же время, согласно республиканским представлениям, дискриминации во французском обществе не существовало. Иными словами, постепенная разработка динамичной и “процессной”, развивающейся скорее по горизонтали, чем по вертикали, концепции гражданства в моих работах имеет своим истоком ту самую изначальную субъективную позицию, то самое “отмежевание” от доминирующих концепций. Научный анализ различных ситуаций, связанных с гражданством в Великобритании, позволил, в свою очередь, по-новому подойти к осмыслению этих концепций, стараясь не подпасть под влияние характерного национального контекста и рассмотреть огромное разнообразие контекстно обусловленных форм осуществления гражданства.

Если я и упомянула кратко подобную “рефлексивную генеалогию”, то потому, что вопрос локализации исследователя мне кажется важнейшим, в частности, для понимания серьезных недостатков антропологических работ, рассматривающих гражданство в качестве объекта изучения в контексте Франции. Похоже, что в этой сфере “идеологический крен”, о котором говорит Д. Фассен, столь же значителен, как и “националистически-республиканское” влияние (Lorsergie, 1994), которое на протяжении длительного времени сказывалось на социальных науках во Франции и, в частности, на исследованиях, посвященных этнизации, дискриминации или, если пользо-

---

⁴ Во французском языке термин *nationalité* / “национальность” означает принадлежность к совокупности лиц, находящихся под юрисдикцией государства, тогда как *citoyenneté* / гражданство распространяется только на лиц, обладающих гражданскими правами и обязанностями. Так, несовершеннолетние дети или лица, признанные недееспособными, являются “французами по национальности” (“*de nationalité française*”), но не входят в число “граждан” (прим. ред.).

ваться каноническим термином, “интеграции” мигрантов. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока рассмотрим как раз специфические формы соприкосновения тем национальности и гражданства или, еще конкретнее, специфические формы национал-республиканского *воображаемого*, с тем чтобы понять некоторые недостатки антропологических работ, посвященных процессам, связанным с темой гражданства во Франции.

Это политическое и культурное влияние может объяснить, двумя очевидно противоречивыми способами, столь малое количество французских антропологических работ на тему гражданства. С одной стороны, это влияние сначала привело к возникновению в исследованиях своего рода “мертвых зон”, закрытых, в результате привычки рассуждать в терминах интеграции, тем⁵, а затем, подобно эффекту бумеранга, спровоцировало интерес к анализу процессов этнизации⁶, или культурализации (в зависимости от исследовательского подхода), в котором проблемы власти и доминирования не обязательно находились в центре внимания (см., кроме проч.: Vazin et al., 2006); тем не менее, как подчеркивает Д. Фассен, “очевидно, что неравенства нельзя анализировать только при помощи традиционных категорий социального класса, профессии или даже национальности, необходимо также учитывать происхождение человека (реальное или предполагаемое), на которое указывают его цвет кожи или звучащее на иностранный манер имя [...]. Дискриминация направлена не столько против иностранцев, сколько против людей, которые воспринимаются как нелегитимные члены французского общества, какой бы национальности они не были (большинство из них французы и родились во Франции)” (Fassin, 2006 (1)). С другой стороны, чрез-

---

⁵ Ф. Лорсери подчеркивает, насколько в публикациях на эту тему в девяностых годах “республиканская модель была возведена в не сравнимый ни с чем абсолютом” (Lorcerie, 2007: 326). См. эссе Д. Шнаппер (D. Schnapper, *La France de l'Intégration. Sociologie de la nation en 1990*, Paris, Gallimard, 1991) или Э. Тодда (E. Todd. *Le destin des immigrés*, Paris, Seuil, 1994).

⁶ Можно считать, что здесь речь также идет о последствиях тех трудностей, с которыми в восьмидесятых годах во Франции начала затрагиваться тема этнической принадлежности, рассматриваемая как насаждение парадигмы, чуждой французскому опыту и не адаптированной к республиканскому идеалу (на эту тему см. Бертеле, 2007. Тот же комплекс вопросов может быть задан относительно принятия или использования выражений *postcolonial* или *subaltern studies* в социальных науках во Франции (см. Smouts, 2007).

вычаянная нормативность и особая важность понятия гражданства во французском политическом воображаемом привели к тому, что эта тема предстала, с точки зрения многих антропологов, в качестве “непригодного” объекта, как в силу своей излишней нормативности⁷ и слишком тесной связи с государством, так и в силу своей “ненаблюдаемости” на локальном уровне.

Вопрос “где работают антропологи?” важен потому, что он позволяет учесть локализацию исследователей, не только “физическую” (самых исследователей и их полей), но и национальную и институциональную. Однако первый вопрос должен рассматриваться вкупе со вторым: “Над чем работают исследователи?”. “Поле”, на самом деле, является всего лишь “методологическим механизмом”, структурированным “интеллектуальным проектом, направляющим исследование” (Abélès, 1996). Снова речь здесь идет о недостаточной легитимности (несмотря на некоторые перемены в этом отношении) так называемой антропологии “близкого” во Франции, которой объясняется, например, слабое развитие антропологического подхода к изучению политических проблем государства, где тема гражданства, между тем, выходит на первый план изучения (см., например, Shore et Wright, 1997 ; Ong, 1999 ; Newman et Clarke, 2009).

На какие размышления наводит антропологический подход к теме гражданства в данном контексте? Антропологический анализ процессов, связанных с гражданством, требует, похоже, сделать над собой особое усилие по “отстранению” (enstrangement) как от своих теорий, так и от своих способов (практических и концептуальных) действия как в обществах, где антрополог ведет свои исследования, так и в обществе, где он был воспитан. Так, в ходе исследования в Великобритании, о котором я упоминала выше, выяснилось, что соотношение между понятиями *национальность* и *гражданство* в этой стране выражается по-иному, нежели во Франции, где эти понятия стали практически изоморфными. По этой причине в самом начале исследования мной была выдвинута эвристически обусловленная необходимость рассматривать оба понятия с точки зрения их разности и сложной взаимосвязи⁸, а затем был проведен анализ по-

---

⁷ В качестве примера такого подхода см. Bouvier в сборнике Carrel и др. 2009.

⁸ Эта необходимость почувствовалась еще сильнее в работе над переводами английских текстов, ведь значения слова “citizenship” отличаются от смыслов, которые вмещает в себя слово “гражданство” (“citoyenneté”). Нередко случается, что франкоязычный читатель сталкивается с определенной

следствий, к которым приводит смешение этих понятий, и в особенности в тех случаях, когда речь идет о населении иммигрантского происхождения. Если можно таким образом постараться не впасть в “методологический национализм”⁹, то вместе с тем нельзя недооценивать риск попадания на проторенную дорожку подгонки большого разнообразия опытов и концепций гражданства под некую общую, как правило, либеральную версию. В этом, кстати, заключается один из недостатков исследования (в остальном достаточно интересного) А. Онга, опубликованного в статье 1999 года. В этой работе автор сравнивает “гражданство азиатских тигров”, характерную модель адаптации к современным формам экономической глобализации, с “западным гражданством”, которое, по мнению автора, характеризуется демократической репрезентацией и завоеванием индивидуальных прав. Если с точки зрения стратегического видения¹⁰ понять подобное бинарное противопоставление можно, то с научной точки зрения такое сопоставление представляется все же ущербным, ибо не учитывает всю гетерогенность “режимов гражданства” (Neuveu, 2005). Более того, подобный подход все-таки несет в себе риск создания, путем обобщения, “моделей”, сталкивающих “Запад и весь остальной мир” (Smouts, 2007), вместо того, чтобы выявить возможные сходства в происходящих политических процессах.

трудностью в понимании того, что именно “подразумевают” английские авторы, говоря о *citizenship*: “национальность” или “гражданство”. Исследование, посвященное политике образования в Индии, проведенное В. Беней, является хорошим примером подобной двусмысленности: например, название сборника, выпущенного под руководством ученого, вмещает в себя одновременно и выражение “*manufacturing citizenship*” и термин “*nationalism*”.

⁹ Избежав этого, как подчеркивает Б. Валдис, можно “*понять особенности и ограничения определенной конкретизации абстрактного принципа гражданства и национального государства, вместо того чтобы рассматривать его как данность, нечто естественное и даже универсальное.*” Это также позволяет, помимо выполнения задач, упомянутых выше, осуществить “культурный перевод” семантических пространств с одного языка на другой, установить, насколько внутри одного и того же языка или одного и того же общества понятие гражданства обладает разнообразными семантическими “нагрузками” [“наполнениями”].

¹⁰ Заявленной целью данной статьи А. Онга является, в частности, борьба с “незападным” пониманием гражданства под эгидой идеи “столкновения цивилизаций” и культурного эссенциализма.

“Национальный вопрос” и *cultural citizenship*

На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но именно то сильное воздействие на умы (как в обществе, так и в академической французской среде), которое оказывают высказывания и работы, с завидным постоянством провозглашающие универсалистский, эгалитарный и индивидуальный (не путать с индивидуалистским) характер гражданства, представляемого как основа французской модели общества, и должно стать объектом пристального внимания антропологов. Это тем более верно, что именно на основе анализа многих “сбоев”¹¹ этой модели можно проанализировать некоторые происходящие явления. Говоря об этих явлениях, я хотела бы прежде всего остановиться на вопросе, занимающем центральное место во французском контексте: о связях (нерасторжимых, опасных или же неизбежных, но поддающихся объективации – нужное подчеркнуть) и конфликтах между различными идентификациями и гражданством. Заодно придется обратиться и к объекту, который уже немало анализировался антропологами: к национальной идентичности¹², или (более конкретно) к национальному воображаемому.

Здесь мне придется сделать отступление. Глубокий и документированный анализ связей между гражданством и индивидуализмом подвел Жана Лека к “дилемме демократической теории”. Он задался вопросами о том, “может ли существовать власть без идентичности, которая расценивалась бы как нечто усвоенное, “данное”, “внутреннее”, а не внешнее, подлежащее пересмотру”, и какие культурные ресурсы могут послужить “мотивацией политической рациональности гражданства, если государство с культурной точки зрения отличается от своего народа” (1991). Именно в этой констатации (“государство с культурной точки зрения отличается от своего народа”) кроется ряд причин тех конфликтов, которые особенно заметны во Франции. Национальность и гражданство, действительно, в этом на-

---

¹¹ Узость этого термина заключается в том, что он указывает лишь на дисфункцию “модели”, которую возможно исправить, модели, чьи формы и основы не оспариваются (что на самом деле спорно).

¹² Существует немало работ, посвященных этой проблеме в обществах восточной Европы, странах, возникших в процессе деколонизации (или европейской колонизации... например, Канада). Работ же, рассматривающих эту тему в рамках западноевропейских обществ, намного меньше. См. Centlivre и др., 1991 о Швейцарии.

пряженном клубке тесно связаны между собой, причем до такой степени, что часто эти понятия путают как в юридическом контексте¹³, так и в представлениях. В качестве примера можно процитировать предложение, выдвинутое Элен Карэр д'Анкосс, различать с одной стороны, “национальность, понимаемую как гражданство, то есть примыкание человека к нации в качестве гражданина, наделяющее его правами и обязанностями гражданина и предполагающее принятие системы ценностей” (*Etre Français...* 1988), а с другой – национальность, понимаемую как принадлежность к той или иной культуре. Тонкой оказывается черта, проведенная между понятием национальность/гражданство, сводящимся к принятию (а не к разработке) системы ценностей, и понятием национальность, понимаемым как принадлежность к той или иной культуре¹⁴. Со своей стороны, я стала использовать термин “*nationité*” (англ. *nationness*), предложенный Б. Андерсоном (1983), имея в виду, что национальность “может одновременно быть гражданством (*nationality*) в смысле подданства по отношению к какому-либо государству (что по-французски называется “подданный, выходец из...”¹⁵) и нацпринадлежностью (*nationness*), то есть ощущением (индивидуальным и/или коллективным) принадлежности к общности, разделяющей одну и ту же историю, культуру и т. д.¹⁶” (Neuveu, 1995). В том же духе аналитики, близкие молодежному движению начала 1980-х годов, со своей стороны, предложили “уточнить значение слова национальность”, относя это понятие к личной сфере, и оставляя понятие “гражданства” сфере общественной (Voiamata, 1990). Подобное разделение помогает ввести более четкое различие между национальностью как юридическим статусом, связывающим человека с государством (*étaticité*, согласно предложению Д. Лошака), национальностью как ощущением

¹³ Найти четкие определения этим двум понятиям в конституционных текстах сложно. Только родившиеся во Франции считаются в полной мере гражданами, ибо на сегодняшний день только они могут пользоваться всеми политическими правами.

¹⁴ В свою очередь Д. Лошак предлагает уточнить смысл термина “национальность”, замещая его термином “этатичность” (от фр. *État – государство* – прим. переводчика), более четко указывающим на юридическое отношение человека с государством (Lochak, 1988).

¹⁵ Следует еще отметить, что в сфере международных отношений термин “национальность” употребляется главным образом именно в значении “подданный, выходец из...”.

¹⁶ В этом случае он по смыслу ближе к понятию “национальные движения”.

принадлежности к одному из подобных “воображаемых сообществ” (*nationité*) и гражданством (*citoyenneté*), понимаемым как непосредственное участие в политической жизни сообщества.

И если подобная разъяснительная работа применительно к каждому комплексу значений, связанных с данными терминами в различных местных контекстах, является важнейшим этапом, предшествующим любому изучению этих сложных объектов, то еще и потому, что только такое “распутывание” клубка позволяет понять особые конфигурации, либо связывающие, либо нет различные идентификации, в частности, национальные или этнического свойства, с созданием (как юридическим, так и идейным) “политической общности” граждан, и может тем самым помочь избежать путаницы в анализе изучаемых социальных и политических явлений.

Доминирующая во Франции официальная идеология, провозглашающая гражданскую и республиканскую модель принадлежности “сообществу граждан”, похоже, постепенно превратила свою политическую основу в нечто “естественное”. Так, я, опираясь на работы Н. Лоро (1989), предложила рассматривать реформу Кодекса о гражданстве, проведенную в 1993 году, а также предшествовавшие ей (с 1986 года) дебаты как демонстрацию “мифа об автохтонности” (Neuveu, 1994). Как особенно подчеркивает Н. Лоро, одним из важнейших положений этого мифа является утверждение о том, что “афинянином не становятся, им рождаются”. Даже если гражданин *poiétoi*, т. е. *созданный* или *искусственный* (усыновленные дети или натурализованные граждане), очевидно, входит в число горожан, “таковым его не всегда воспринимают, так как его имя все еще указывает на иностранное происхождение его отца”. В результате реформы французского Кодекса о гражданстве 1993 г. в законе появились странные переключки с данным мифом об автохтонности. Одна из главных модификаций текста закона заключалась в обязательном для лиц, имеющих право на французское гражданство по праву почвы, изъятии желания приобрести это гражданство¹⁷. Под предлогом уважения свободы выбора, на деле

---

¹⁷ До того момента любой человек, родившийся во Франции от родителей иностранного происхождения, автоматически получал французское гражданство в 18 лет (при условии проживания на территории Франции в течение по крайней мере пяти лет до своего совершеннолетия). По новому закону это право может быть реализовано при добровольном заявлении в возрасте от 16 до 21 года. И если правила приобретения французского гражданства закон коренным образом не изменил, то символический и идеологический его

данное требование подвергало сомнению “французскость” данной категории лиц, требуя от них заявить о своем желании стать французами, которое у французов по рождению предполагается врожденным. Таким образом, некоторые, т. е. французы-автохтоны, как бы само собой оказались более французами, чем французы “искусственные”. Миф о автохтонности (об этом см. также Détienne, 2003) отделил автохтонов от тех законных французских граждан, которые, по сути, выходит, “лишь” просто проживают на французской территории¹⁸. Эта же самая автохтонность рассматривается многими как единственный источник доступа к многочисленным правам.

Ф. Лорсери говорит о том же, подчеркивая, как важно, чтобы появляющиеся в последнее время работы о присутствии “расы” в социальных и политических явлениях во Франции “не подменяли собой критическое осмысление нации” (Лорсери, 2007: 304) и, в частности того, что она (вслед за Гиртцем) называет “национальным примордиализмом”, “этой когнитивной схемой, подпитываемой нашим животным чувством и этнорасовым воображаемым” (Лорсери, 2007: 325). А ведь этот “национальный примордиализм” соединяется во Франции с “республиканством, (...) французской формой “национальной харизмы”, по выражению Элиаса” (Лорсери, 2007: 327), республиканства, в котором отсылка к гражданству занимает не последнее место. Так, согласно М. Ник Крэйт (при сравнении французского и немецкого контекстов), “каждая разновидность национализма делает упор на культуру большинства, но делает это по-разному. В то время как этнические националисты открыто признают культуру большинства, гражданские националисты говорят скорее о гражданственности, чем о культуре, и описывают культуру большинства как светскую, как цивилизацию или просто как “норму”” (Nic Craith, 2004)¹⁹. В данном случае можно вспомнить и аргумент, выдвинутый

смысл оказался ярко выраженным: “Особенность закона от 22 июля 1993 года, – его, так сказать, первородный грех, – заключается в единственной цели, идеологического или политического свойства” (Lagarde, 1993).

¹⁸ Подобное подозрение достаточно часто возникает в полицейской среде при проверке подлинности удостоверяющих личность документов у лиц, чьи фамилии звучат “не по-французски”. Можно провести параллель с гражданами *poiétoi*, в которых, по иностранной фамилии отца, распознавали “ненастоящих граждан”.

¹⁹ Путаница, возникающая здесь между национализмом и режимом гражданства, частично объясняется ссылкой на исследование Дж. Рекса, с точки зрения которого (в кратком изложении проблемы), концепция гражданства “тесно

Л. Дюмоном, с точки зрения которого политическая принадлежность заменяет у “француза” принадлежность к культуре: “Я хочу сказать, что француз ощущает себя прежде всего гражданином. Франция для него, прежде всего, – это демократия, республика (...). Такова форма нашего этноцентризма или скорее социоцентризма, который присутствует в каждом обществе, которое стремится заявить о кардинальной разнице ценностей между “нами” и “всеми остальными”” (Dumont, 1991)²⁰. В подобном контексте эта политическая принадлежность была значительно “культурализована”, даже превращена в естественную до такой степени, что в результате рассматривается как эксклюзивное качество “коренных” французов. Возводя в ранг врожденных культурных характеристик особые способы демократических практик, делая их тем самым “естественными” и требуя, в частности, от выходцев из заморских территорий, колонизированных ранее Францией, изъявления желания “быть такими же”, доминирующая группа может в таком случае до бесконечности исключать определенных лиц из числа составляющих квинтэссенцию национального сообщества²¹ и создавать из своей собственной нацио-принадлежности норму, доминирующую культуру, которая будет наполнять собой общественную жизнь²². Подобная

связана с национальной идентичностью” (Rex, 1991, цитата в работе Nic Craith, 2004, см. также в том же номере рецензии на статью Ник Крэйта), но тем не менее отсылает к сложности более широкого масштаба, о которой говорилось выше, касающейся “культурного перевода” семантических универсумов, заключающихся в терминах.

²⁰ В то время как Л. Дюмон заявлял об этом социоцентризме по отношению к другим “извне” (за пределами национальных границ), далее мы увидим, что в настоящее время социоцентризм применим и по отношению к “другим”, живущим внутри страны.

²¹ Как подчеркивает Ф. Лорсери, “французская модель интеграции” “приписывает все трудности интеграции меньшинствам (сведенным к меньшинству) и не может найти другого решения, кроме как их схожести и прежде всего их желания быть похожими (их социальная лояльность) на большинство. В то время как выходцы из не-европейской иммиграционной среды, как и многие другие французы, поддерживают свою мульти-принадлежность, подобная модель представляется оторванной от реальности, однако сама ее легитимность, ее философское превосходство противостоят политическому реформизму в данном вопросе” (Lorcerie, 2007).

²² Э. Балибар совершенно правильно указывает на “явный парадокс” “республиканского коммунитаризма”, который возводит непризнание (в области культуры, образования, администрации) “своеобразных идентичностей” (...) в рамках нации в критерий чистоты, в соответствии с которым было бы воз-

тенденция ведет к тому, что и само гражданство превращается в нечто природное, естественное, а это серьезным образом способствует исключению многочисленных категорий населения из политического сообщества в условиях интеграции, которую необходимо бесконечно отстаивать, и в условиях усиливающейся этнизации; как подчеркивает Ф. Лорсеріе, “столкновение республиканских принципов и скрытого национального примордиализма является одной из главных форм конфликтности в современном французском обществе” (Lorcerie, 2007: 303).

Таким образом, при антропологическом подходе к изучению явлений, связанных с темой гражданства во Франции, необходимо обратить внимание на так называемый “национальный примордиализм” и его последствия, что позволит, основываясь на конкретном опыте, внести лепту не только в развитие дискуссии на тему пережитков колониализма во французском обществе²³, но и в исследование вновь возникающих “режимов гражданства”. И если некоторые (все еще редкие) работы слегка касаются темы национального примордиализма и того, как он проявляет себя в некоторых сферах общественной жизни²⁴, то еще меньше существует работ, посвященных тому, каким образом группы или отдельные лица (так называемые “иммигранты”²⁵, испытывающие на себе проявления этого нацио-

---

можно распознать его собственную отличительную черту, политическую универсальность”. И далее: “(...) борьба с угрозой более или менее реальных проявлений коммунитаризма превращается в создание эксклюзивной идентичности, которая, определяя себя “абстрактно” и “политически”, (...) тем не менее часто используется в конкретных случаях для установления этнических границ (республиканский народ со своей историей, своими символами и своими традициями... и все остальные)” (Balibar, 2001: 111).

²³ М.-К. Смутс напоминает о том, что “французский вариант постколониальной теоремы” затрагивает “самую чувствительную точку французского сознания: идеал нации, объединяемой республиканскими идеями, унаследованными от эпохи Просвещения” (Smouts, 2007: 26).

²⁴ В частности, в области политики образования, обеспечения жильем и трудовой занятости; ссылки см. Lorcerie, 2007.

²⁵ “Слово “иммигрант” в его обычном употреблении имеет первостепенное значение. (...) Это слово “действует” как название, указывающее на естественную не-принадлежность. Лиц, к которым это слово применяется, “негласно” расценивают (и так же с ними обращаются) как других, непохожих людей, даже если те родились в той же стране и юридически обладают гражданством этой страны” (Lorcerie, 2007: 306). Учреждение в 2007 году французским правительством министерства по во-

нального примордиализма) переживают подобную ситуацию и вырабатывают нестандартные способы интеграции в общество, где активное участие в гражданской жизни играет важнейшую роль²⁶. Сравнительный подход, включающий исследования, проведенные в других контекстах, может оказаться здесь особенно плодотворным и позволить нам одновременно дополнить наблюдения, осуществленные во французском обществе, и избежать их абсолютизации. Полезно задуматься и о понятии “*cultural citizenship*”, предложенном Р. Розальдо, который предложил “осмыслить, каким образом гражданство структурируется культурой, то, каким образом притязания на гражданство усиливаются или, напротив, ослабляются культурными аргументами и практиками” (Rosaldo, 1999, перевод мой, – К. Н.). Уловить сложную и порой парадоксальную динамику взаимосвязи процесса определения гражданства и процесса идентификации особенно важно именно во французском контексте, где эксклюзивность “гражданских уз”, призванных быть свободными от какого-либо культурного наполнения (по крайней мере, как мы уже поняли, если дело касается “не наших”), является краеугольным камнем доминирующих представлений о гражданстве²⁷. Подобный подход,

---

просам национальной идентичности, иммиграции, интеграции и совместного развития вписывается в ту же схему.

²⁶ Здесь подразумевается не гражданская “норма”, предписываемая и нормативная, в которой им часто бывает отказано, но непосредственное участие в общественных делах, активное гражданство, возникшее из “практической конфронтации с различными способами исключения (...) неизменно представляет собой основополагающий момент гражданства, и тем самым становится моментом периодически возникающей борьбы за правду” (Balibar, 2001: 125).

²⁷ Здесь речь не идет о том, чтобы показать, что культурные составляющие якобы представляют собой неотъемлемую сторону процессов, связанных с гражданством, тем более что необходимо согласиться с идеей Ж. Рансьера о том, что формы политической субъективации “не являются общинами по принадлежности”; речь идет о том (в дополнение к тому, что автор называет “универсальное в принадлежности (...) к государству”), чтобы установить, когда, как и почему эти формы политической субъективации могут иногда, как допускает Розальдо, что-то позаимствовать из области культурных практик. Действительно, “политическое общество создается не на базе суммируемых принадлежностей, не на базе одной общей принадлежности, отрицающей остальные, а на базе конфликтов на почве принадлежности” (Рансьер, 2000: 64-65). Как подчеркивает Розальдо: “Термин *cultural citizenship* означает право быть другим (с точки зре-

учитывающий местные концепции и практики гражданства, мог бы помочь обозначить эмпирические границы “местного космополитизма” (Bhabba, 2007), отмеченного стремлением к “праву на отличие в условиях равенства” (...), (которое) “представляет собой желание пересмотреть классические компоненты гражданства” (политическое, юридическое и социальное гражданство), с тем чтобы включить в это понятие еще и сферу “символического гражданства”, что поднимает массу вопросов аффективного и этического свойства, связанных с культурными различиями и социальной дискриминацией” (Smouts, 2007: 52)²⁸.

Гражданство и территория

Мы увидели, сколь необходимо при изучении процессов, связанных с гражданством, принимать во внимание его сложные связи с *национальным воображаемым* и определенной республиканской идеологией. Но груз “национального” (и государственного) ощущается и в другой, не менее важной области исследования. Во французском *политическом воображаемом*, связанном с гражданством, глубоко укоренилась идея о том, что “гражданские узы” должны быть “вне конкуренции”. И если эта идея сказывается на представлениях о множественной идентификации французских граждан, то сказывается она и на формировании представлений об “уровнях гражданства”

ния “расы”, этноса или родного языка) по отношению к нормам доминирующей национальной общины, без умаления права на принадлежность, понимаемую как участие в демократических процессах единого национального государства” (Rosaldo, 1994: 57, – перевод мой, – К. Н.).

²⁸ Что ведет к исследованиям как образов и практик, выработанных индивидуумами или группами “последующих поколений иммигрантов”, так и ситуаций “взаимодействия” с членами “доминирующей группы”. Действительно, как подчеркивает О. Бабба, “нужно создать новый свой внутренний, автохтонный мир, чтобы включить в него его новых граждан или тех, чье гражданское участие было ущемлено или маргинализировано” (Bhabba, 2007: 18-19). Этот подход отстаивает и Э. Балибар, когда напоминает, что “(...) все, включая “автохтонов”, должны, по крайней мере, символически, задействовать свою гражданскую идентичность, приобретенную, наследуемую из прошлого, и воссоздать ее в настоящем вместе с другими. (...) Это не значит, что прошлого не существует, или что оно ни к чему не пригодно. Это значит, что прошлое – не наследство, и что оно не наделяет кого-либо правом первородства. Это значит, что “первичных поселенцев” на гражданской территории не существует” (Balibar, 2001: 212).

(Clarke и др.; 2007). Можно выдвинуть гипотезу о том, что недостаток французских антропологических работ, посвященных этим вопросам, зависит также от уровня, на котором ведутся наблюдения или, точнее, от комплекса представлений о “локальном”, долгое время бывшем в центре внимания французских антропологов (Bromberger, 1997; Gupta et Ferguson, 1999). Здесь опять же, парадоксальным образом, довлеющее представление о связи гражданства с национальным (уровнем) подтолкнуло меня и некоторых других исследователей к критическому размышлению об уровнях гражданства и о процессах территориализации²⁹.

Во французском контексте нет ясного определения “локального” (Mabileau, 1993; Neuveu, 2008), если только это не определение от противного – по отношению к национальному/ государственному, по умолчанию являющемуся признанной единицей измерения. Кроме того, “локальное” обычно наделяется особенными характеристиками, которые парадоксальным образом оправдывают выбор данного масштаба для внедрения в жизнь многих общественно-политических программ, но отказывают ему в способности принимать общественно-политические решения. Таким образом “локальное” (в городской среде это обычно квартал) чаще всего предстает в научной литературе и в программах общественного развития как пространство конкретного и аутентичного, пространство солидарности. В этом смысле и по тем же причинам это “локалистское” (но не локализованное) “локальное” – прежде всего место, где решаются конкретные задачи; это пространство прагматическое³⁰, и поэтому неполитическое. Так, Дж. Кроули полагает, что *“переход от торга (о разделе ресурсов) к обсуждению (разработки правил) является характерным этапом к постановке проблемы на национальном уровне”* (Crowley, 2003, перевод автора). Коль скоро “локальное” является непременно и исключительно местом “торга”, оно не может стать пространством гражданских действий, ибо последние относятся исключительно к сфере обсуждения и разработки законов, то есть, к политической сфере, и не могут разворачиваться на ином уровне, кроме как на уровне национального государства. Удивительное отсутствие граждан и гражданства на местном уровне, похоже, объясняется скорее укоренившимися

---

²⁹ Даже если эти два вопроса связаны, они не взаимозаменяемы. См. Neuveu, 2008.

³⁰ В данной статье нет места, чтобы привести конкретные примеры подобного представления, особенно укоренившегося во Франции. См., помимо прочего, Bertheleu, Neuveu 2005; Genestier, 1999; Biarez, 1999.

представлениями о специфике этого уровня действий и обязательств и т. п.³¹, чем реально происходящими там процессами. Поэтому для антропологов, длительное время считавших наблюдения на локальном уровне своим "фирменным знаком", данный объект стал попросту "невидимым", лежащим вне поля изучения: гражданство рассматривается либо как соотносимое только с национально-государственным уровнем, либо как чистая теоретическая абстракция; "локальное" же понимается в основном как прагматическое и неполитическое пространство с точки зрения политика, который рассматривает это пространство как абстракцию (см. Neuveu, 2008).

Этот подход является убедительным подтверждением "скалярного мышления", которое, по мнению Е. Изина, определяет "наше понимание современных политических образований (города, регионы, народы, государства (...), предполагая исключительные, иерархические и внеисторические отношения между данными образованиями и скрывая меняющиеся, множественные и многослойные формы существования" (Isin, 2007, перевод мой, – К. Н.). Таким образом, Изин указывает на возникновение подобного модуса мышления в развитии современного государства и на его стремление "свести хаотичную, неорганизованную и постоянно меняющуюся социальную реальность к чему-то, что более соответствовало бы задачам административного учета" (Scott, 1998, цитата по Изину). Подобный способ мышления приводит (в отношении гражданства) к возникновению одного-единственного уровня принадлежности и лояльности, в данном случае – государственного: "в силу своей эксклюзивной и всеохватывающей логики, скалярное мышление порождает эксклюзивную идею о самом гражданстве, словно по природе своей связанном с государством как единственным производителем идентичности, принадлежности и обязательств. Критический анализ подобных концепций является в подобном случае предпосылкой для понимания всей сложности проблемы гражданства и разновидности мест, уровней и пространств, где оно создается и действует" (Clarke и др. 2007: 10). В таком случае антропологический подход к процессам, связанным с гражданством, должен учитывать (и в особенности в таком контексте, как французское общество) методы и процедуры, посредством которых государство "производит" граждан и гражданство. Важно также изменить взгляд на государство, в частности, чтобы рассмат-

---

³¹ Оно объясняется также глубоко укоренившимися представлениями о специфике самого гражданства.

ривать не его как абстрактную политическую единицу "где-то там наверху", а как "сложенное из комплекса социальных практик, таких же "локальных", как и другие, в их расположении и материальном воплощении" (Ferguson, 2004, перевод мой, – К. Н.). С другой стороны, нельзя априорно утверждать, что тот или иной уровень не может быть интересен с точки зрения гражданства. Отделаться от удобной дихотомии, от иерархического и эксклюзивного упорядочивания, свойственного скалярному мышлению, – таково необходимое условие для выработки такого подхода к изучению проблемы гражданства, при котором оно воспринималось бы как концепция, вызывающая споры и дискуссии, а не как застывшее во времени и пространстве понятие. Необходим подход, при котором учитывались бы все сложные ипостаси гражданства, входящие в различные "политические программы" (Dagnino, 2007): комплекс верований, стремлений, желаний, интересов, мировоззрений, смещающих фокус реальной политики с разнообразия субъектов на различные уровни и разнообразие "локального". При подобном смещении фокуса исследования "локального" (или, точнее, процессов локализации) могут помочь понять происходящие процессы, связанные с проблемой гражданства.

С другой стороны, существует ряд работ, призывающих отказаться от привычного взгляда на "локальное", одновременно идеализирующего (как пространство "естественной" близости между людьми) и недооценивающего (как пространства гражданских проявлений). Многие англоязычные географы указывают на необходимость более внимательно подходить к самой природе "места", и в частности – "локального". Следует, например, обратить внимание на "политику локальных действий" (a politics of proximity), то есть на "необходимость отстаивать, невзирая на различия между людьми, живущими по соседству, непреложный (в пространственном смысле) факт совместно разделяемой территории, почвы. Если территория неизбежно является пространством пересечения разнонаправленных жизненных траекторий, то она неизбежно становится местом "переговоров" в широком смысле (...)" (Massey, 2004: перевод мой, К. Н.). Таким образом, речь идет об изучении процессов "place-making" (Gupta, Ferguson, 1999): конструирования мест, территорий, и отношения к ним.

При подобном анализе процессов локализации нельзя недооценивать значение уже упомянутых выше местечковых образов и ассоциирующейся с ними категоризации в отношении всего комплекса фигурантов, а также возникающие в результате сложности в освоении альтернативного словаря или популяризации других определений одного и

того же термина. К сожалению, объем статьи не позволяет нам подробно остановиться на конкретных ситуациях, связанных с этими сложными процессами взаимопересекающихся категоризаций (см. Clarke, 2005; 2009; Neuveu, 1999). Подчеркнем, тем не менее, необходимость обращать внимание на категоризации, используемые различными фигурантами; на их значения, стратифицированные как во временном (в длительном историческом контексте и в контексте современности), так и в пространственном (локализованные и связанные с иными уровнями референции) отношениях; на их сложные взаимодействия и возможные последствия. Иными словами, стоит обратить внимание на ключевое “напластование” многих задействованных в этом отношении ресурсов, “напластование”, помогающее понять суть “беспорядочности”, присущей политике и социальной жизни, и отказаться от дискриминационной иерархизации и дихотомических подходов, слишком упрощенных, для того чтобы быть продуктивными. Смещение фокуса видения, освобожденного от скалярного типа мышления, является одновременно условием и инструментом (Neuveu, 2005) для применения нового метода изучения гражданства как процесса, рассматриваемого во всем многообразии мест и пространств его “производства”, что служит *отстранению* по отношению к категориям анализа и интерпретационным моделям доминирующей идеологии.

Библиография

- ABELES Marc ; 1996. " Le rationalisme à l'épreuve de l'analyse ", in F. Revel (dir.), *Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience*, Paris, Gallimard Le Seuil. P. 95-112.
- ALTHABE Gérard ; 1992. " Vers une ethnologie du présent ", in G. Althabe et al. (dirs.), *Vers une ethnologie du présent*, Paris, Editions de la MSH. P. 247-257.
- ANDERSON Benedict, 1983. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, Verso.
- BALIBAR Etienne ; 2001. " Une citoyenneté sans communauté ? " in E. Balibar, *Nous, citoyens d'Europe? Les frontières, l'Etat, le peuple*, Paris, La Découverte. P. 93-126.
- BAZIN Laurent ; GIBB, Robert ; NEVEU, Catherine et SELIM, Monique ; 2006. " The broken myth. Popular unrest and the “republican model of integration” in France ", *Anthropology Today*, Vol. 22, n° 22. P. 16-17.

- BÉNÉÏ Véronique ; 2005. *Manufacturing citizenship. Education and nationalism in Europe, South Asia and China*, London, Routledge.
- BERTHELEU Hélène et NEVEU, Catherine ; 2005. " De "petits lieux du politique" ? Individus et collectifs dans des instances de "débat public" ", *Espaces et Sociétés*, n° 123. P. 37-52.
- BERTHELEU Hélène ; 2007. " Sens et usages de "l'ethnicisation". Le regard majoritaire sur les rapports sociaux ethniques ", *Revue Européenne des Migrations Internationales*, Vol. 23, n° 2. P. 7-26.
- BHABBA Homi ; 2007. *Les lieux de la culture. Une théorie postcoloniale*, Paris, Payot.
- BIAREZ Sylvie ; 1999. " Repenser la sphère locale selon l'espace public ", in B. François et E. Neveu (dirs), *Espaces publics mosaïques. Acteurs, arènes et rhétoriques des débats publics contemporains*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, Collection Res Publica. P. 267-283.
- BOUAMAMA Saïd ; 1990. " La reconstruction du sens démocratique ; une nouvelle citoyenneté ", in *L'Europe au miroir de ses immigrés*, Actes du colloque de Forum Egalité et Cosmopolitiques, Paris. P. 61-68.
- BOUVIER Pierre ; 2009. " Lien social, citoyenneté et ensemble populationnel ", in M. Carrel, C. Neveu et J. Ion (dirs.), *Les intermittences de la démocratie. Formes d'action et visibilité citoyennes dans la ville*, Paris, L'Harmattan, Coll. Logiques politiques. P. 255-262.
- BROMBERGER Christian ; 1997. " L'ethnologie de la France et ses nouveaux objets. Crise, tâtonnements et jouvence d'une discipline dérangement ", *Ethnologie Française*, n° 3. P. 294-313.
- CENTLIVRES, Pierre ; CENTLIVRES-DEMONT, Micheline ; MAILLARD, Nadja ; OSSIPOW, Laurence ; 1991. *Une seconde nature. Pluralisme, naturalisation et identité en Suisse romande et au Tessin*, Lausanne, L'âge d'homme.
- CLARKE John ; 2005. " New Labour's citizens: activated, empowered, responsabilized, abandoned? ", *Critical Social Policy*, Vol. 25, n° 4. P. 447-463.
- 2009. " Citoyens, communautés et consommateurs : relations entre le public et les services publics ", in M. Carrel, C. Neveu et J. Ion (dirs.), *Op. cit.* P. 65-73.
- CLARKE John ; COLL, Kathleen ; DAGNINO, Evelina et NEVEU, Catherine ; 2007. *Scales of citizenship*, rapport final pour le PIEA (FMSH-Columbia University), Paris, FMSH.

- CROWLEY John ; 2003. " The spaces and scales of citizenship. Some thoughts on "locality" ", in R. Leveau, C. Wihtol de Wenden et K. Mohsen-Finan (dirs), *De la citoyenneté locale*, Paris, Travaux et recherches de l'IFRI. P. 111-126.
- DAGNINO Evelina ; 2007. " Participation, citizenship and democracy. Perverse confluence and displacement of meanings ", in C. Neveu (dir.), *Cultures et pratiques participatives. Perspectives comparatives*, Paris, L'Harmattan, Coll. Logiques politiques. P. 353-370.
- DETIENNE Marcel ; 2003. *Comment être autochtone. Du pur Athénien au Français raciné*, Paris, Le Seuil, La Librairie du XXIème Siècle.
- DUMONT Louis ; 1991. *L'idéologie allemande. France-Allemagne et retour*, Paris, Gallimard.
- Etre Français aujourd'hui et demain, Rapport de la Commission de la nationalité présenté par M. Marceau Long, président, au premier ministre*, 2 tomes, Paris, 10/18.
- FASSIN Didier , 2006 (1). "Nommer, interpréter. Le sens commun de la question raciale", in D. Fassin et E. Fassin (dirs.) *De la question sociale à la question raciale? Représenter la société française*, Paris, La découverte. P. 16-36.
- 2006 (2). " Riots in France and silent anthropologists ", *Anthropology Today*, Vol. 22, n° 1. P. 1-3.
- FERGUSON James ; 2004. " Power Topographies ", in D. Nugent et al. (dirs.), *A companion to the Anthropology of Politics*. P. 383-399.
- GENESTIER Philippe ; 1999. " Le sortilège du quartier : quand le lieu est censé faire lien ", *Les Annales de la Recherche Urbaine*, n° 82. P. 142-153.
- GHASARIAN Christian ; 2002. " Sur les chemins de l'ethnographie réflexive ", in C. Ghasarian (dir.), *De l'ethnographie à l'anthropologie réflexive. Nouveaux terrains, nouvelles pratiques, nouveaux enjeux*, Paris, Armand Colin. P. 5-33.
- GUPTA Akhil et Ferguson, James ; 1999. *Culture, Power, Place. Explorations in critical anthropology*, Durham, Duke University Press.
- Im'média, 1993. *Douce France. La saga du Mouvement Beur*, Paris, Quo Vadis.
- ISIN Engin ; 2007. "City. State: Critique of Scalar Thought" *Citizenship Studies*, Vol. 11, n° 2. P. 211-228.
- LAGARDE Pierre ; 1993. " La nationalité française rétrécie ", *Revue Critique de Droit International Privé*, Vol. 82, n° 4.

- LECA, Jean ; 1991. " Individualisme et citoyenneté ", in P. Birnbaum et J. Leca (dirs.), *Individualisme et citoyenneté*, Paris, Presses de la FNSP. P. 159-209.
- LOCHAK Danièle ; 1988. " Etranger et citoyen au regard du droit ", in C. Wihtol de Wenden (dir), *La citoyenneté*, Paris, Edilig-Fondation Diderot. P. 74-85.
- LORCERIE Françoise ; 1994. " Les sciences sociales au service de l'identité nationale. Le débat sur l'intégration en France, au début des années 90 ", in D. C. Martin (dir.), *Cartes d'identité. Comment dit-on "nous" en politique ?*, Paris, Presses de la FNSP. P. 245-282.
- LORCERIE Françoise ; 2007. " Le primordialisme français, ses voies, ses fièvres ", in M-C. Smouts (dir.), *La situation postcoloniale. Les postcolonial studies dans le débat français*, Paris, presses de Sciences po. P. 298-343.
- LORAUX Nicole, 1989, "les méandres de l'hellénitude", *EspacesTemps*, n° 42. P. 17-22.
- MABILEAU Albert (dir) ; 1993. *A la recherche du "local"*, Paris, L'Harmattan, Collection Logiques politiques.
- MASSEY Doreen ; 2004. " Geographies of responsibility ", *Geografiska Annaler*, Vol. 86 B, n° 1. P. 5-18.
- NEVEU, Catherine ; 1993. *Communauté, nationalité et citoyenneté. De l'autre côté du miroir : les Bangladeshis de Londres*, Paris, Karthala.
- 1994. " Of a natural belonging to a political nation-state. A French case ", Communication au symposium international n° 117 *Transnationalism, Nation-state building and Culture*, Wenner-Gren Foundation, Mijas, Espagne, 14-22 juin.
  - 1995. " Pour un "conflit harmonieux": nationalité, citoyenneté et communauté(s) ", in C. Neveu (dir), *Nations, Frontières et Immigration en Europe*, Paris, CIEMI/L'Harmattan. P. 17-34.
  - 1999. " L'anthropologue, le citoyen et l'habitant. Le rapport au politique dans une ville du Nord ", *Ethnologie Française*, Vol. XXIX, n° 4. P. 559-567.
  - 2005. *Anthropologie de la citoyenneté*, document de synthèse pour l'habilitation à diriger des recherches, Université de Provence.
  - 2008. " Questions d'échelles et citoyenneté(s) ", in G. Baudin (dir.), *Faire territoire aujourd'hui*, Paris : Editions Recherches.
- NEWMAN Janet et CLARKE John, 2009. *Publics, Politics and Power : remaking the public in public services*, Londres, Sage.

- NIC CRAITH Mairead 2004, "Anthropology and citizenship in Europe", *Social anthropology*, n° 12. P. 289-300.
- ONG Aihwa ; 1999. " Clash of Civilizations or Asian Liberalism ? An Anthropology of the State and Citizenship ", in H. L. Moore (dir), *Anthropological Theory Today*, London, Polity Press. P. 48-72.
- RANCIERE Jacques ; 2000. " Citoyenneté, culture et politique ", in M. Elbaz et D. Helly (dirs.), *Mondialisation, citoyenneté et multiculturalisme*, Paris, L'Harmattan-Presses Universitaires de Laval. P. 55-68.
- ROSALDO Renato ; 1999. " Cultural Citizenship, Inequality and Multiculturalism ", in R. Torres, L. Miron et J. Inda (dirs), *Race, Identity and Citizenship. A Reader*, Oxford, Blackwell Publishers. P. 253-261.
- ROSALDO Renato ; 1994. " Cultural citizenship in San Jose, California ", in *PoLAR*, Vo. 17, n° 2. P. 57-64.
- SHORE Cris et WRIGHT Susan ; 1997. " Policy : a new field of anthropology ", in C. Shore et S. Wright (dirs), *Anthropology of Policy. Critical perspectives on governance and power*, London, Routledge, Collection EASA. P. 3-39.
- SMOUTS Marie-Claude ; 2007. " Introduction. Le postcolonial pour quoi faire ? ", in M-C. Smouts (dir.) ; *La situation postcoloniale. Les postcolonial studies dans le débat français*, Paris, Presses de Sciences Po, Collection Références. P. 25-66.